

14 ноября 1980 года № 262 (20004)

«...И ЖИЗНИ НЕТ ПРЕДЕЛА»

В ТВОРЧЕСТВЕ каждого большого поэта есть сборники, циклы, которые отражают поиск новых тем и мотивов, являются как бы лирической дневниковой записью мыслей, чувствований, увлечений. Но наступает пора, когда подводятся итоги сделанному. Так возникают книги лирики, вбирающие уже известные, опубликованные произведения и вместе с тем часто открывающие их в каком-то новом качестве. Не избранное, не собрание произведений, а именно книги, в которых есть свои внутренние сюжетные линии, в которых сильнее начинают звучать ведущие темы лирики.

У Михаила Дудина есть несколько таких книг. Это «Переправа», вышедшая в победном 1945 году и вобравшая произведения, написанные в страдную фронтовую пору, стихотворения и поэмы, отмеченные суровой правдой и мужеством, рассказавшие о подвиге, смерти на войне, фронтовом товариществе. Это «Время» (1969) — книга о нравственной и созидательной силе памяти, об уроках пережитого нашим народом великого испытания. К подобного рода книгам итогов можно отнести и недавно вышедшее «Дерево для аиста»¹.

В подзаголовке на титульном листе значится: Стихотворения. 1968 — 1978. Сюда вошли стихи из «Татарника», «Гостей», «Полюса» — сборников Дудина, публиковавшихся в семидесятые годы. Читая «Дерево для аиста», ощущаешь, как хорошо знакомые произведения соединяются друг с другом, образуя единый поэтический монолог, у которого есть своя логика развития, движения, есть свои высшие точки, драматические узлы, контрапункт. Не все части этого монолога равноценны: достоинства и издержки почерка поэта здесь налицо. Но прежде всего речь должна идти об искренности лирического исповеди, серьезности и сосредоточенности, задушевности главного разговора, который ведет поэт с читателем, очевидна значимость мыслей и чувств, запечатленных в лирической строке.

В лирике, вошедшей в книгу, явно обозначаются две тенденции. Поэт остается верным теперь уже давней автодекларации: «Я оставляю сидням постоянство. Беру себе — движение и напор». Неистребимая тяга к странствиям привела его на «макушку земли» — Северный полюс, продиктовала масштабные и несколько отрешенные от мирских забот и подробностей строки о месте, где «сконцентрировано время, очищенное в глотке вьюга», где берет начало Земля и сошлись «всех судеб связующие нити». Исполненный тревоги за судьбу планеты, поэт обращается с «Заклинанием с полюса»:

Берегите Землю!
Берегите
Жаворонка в голубом зените,
Бабочку на стебле повилики,

На тропинке солнечные блики...
Берегите.

Со стихотворным циклом — хочется сказать «главой» — «Полярный круг» в новой книге соседствует поэтический репортаж о поездке в Португалию, на западное побережье Атлантического океана.

Вместе с этим движением в пространстве отчетливо обозначился другой путь, путь возврата в мир детства, к себе, к сокровенным истокам жизни. Дудин пишет стихотворение о сосне, стоящей на берегу речки Молохты («Я шел к закату от моей сосны, шумящей в небе. И к ней обратно подхожу со стороны рассвета»), о родных ивановских краях, создает строки, посвященные памяти матери. Может быть, только в годы войны, когда столь часто вспоминалась «малая родина», драгоценный край детства, Дудин создавал лирику такой нежности и драматизма. Новая его книга свидетельствует о том, что поэт помнит об этих своих стихах фронтовой и послевоенной поры, он словно продолжает их, внося одновременно в сегодняшнюю историю драматическую ноту. Раньше мир детства был ближе, память о нем, о материнской ласке согревала в годину испытаний, поддерживала веру в жизнь, в лучшее в жизни. Теперь пришло осознание, каким отдаленным стал этот мир, какую толщу времени надо преодолеть, чтобы достичь его:

Я выйду в рожь. В родное поле.
В седое, как мои виски. И, ружьём, выплачу
на воле
Всю горечь страха и тоски.
И, может быть, из сердца прянут
Слова, как птицы из силка,
и мне в глаза мои заглянут
два материнских василька.

Давно уже замечено, что попытка человека, художника прорваться памятью к годам детства знаменует сложный процесс пересмотра прошитой жизни, стремление прикоснуться к сложнейшим проблемам человеческого бытия. Поэтому стихи о «малой родине» органически входят в контекст книги, отмеченной тягой к философичности, к раздумьям о человеке, его судьбе, предназначении, его вере и убеждениях.

В «Дерево для аиста» отражён духовный опыт человека, переступившего порог шестидесятилетия, много повидавшего и пережившего, опыт поэта, прошедшего крещение войны. Правда, кажется, что «Дерево для аиста» — первая книга Дудина, в которой тема войны, памяти о грозовой поро не является ведущей, всеохватной (как это было и в «Переправе», и во «Времени»). Конечно, и в ней есть стихи, даже разделы, подтверждающие верность поэта фронтовому братству, памяти, тем урокам, которые преподала война. Таково стихотворение о blindness, который «от старости зати», о боевых друзьях, которых уже не разбудить стихом. Поэт утверждает:

Я тоже стар, колюч и сух,
Как выцветший бурьян,
И только мой упрямый дух

Воспоминаясь пьян.

Рядом со стихами, написанными в семидесятые годы, в книгу вошла «Забывшая тетрадь», лирика, созданная в военную пору и сохранённая фронтовым другом поэта Д. М. Рура. Вместе с тем эта столь кровавая, дорогая для Дудина тема нынче часто уходит на второй план, образует драматический фон, становится «почвой для стихов». По свидетельству самого поэта: «Песня на шрамах вчерашних, как дикий татарник, растёт».

Память о войне сливается с раздумьями о неукротимом ходе времени. В книге много стихов об утрате. «Пошли одни потери в календаре потерь», — горько замечает поэт, посвятив взволнованные, драматические строки памяти А. Твардовского, Ю. Смуула, М. Луконина, Е. Копельяна, генерала С. Кабанова: «Прощай! Уходим с порога, над старой судьбой невольны. Кончается наша дорога — дорога пришедших с войны». В сборник включена лирика, свидетельствующая, сколь нелегко груз прожитых годов. Не случайно один из разделов книги назван «Седое сердце», а знаки седины нет-нет и блеснут в строке: «За плечами печаль опустила седые крыла»; «Я выйду в рожь. В родное поле. В седое, как мои виски»; «Чуть брезжило. На плоскости стекла в седом тумане розовели дали». Поэт пишет о «седой поляне», о том, как веет «седое лихо» последней метели.

Этот драматический и элигический мотив новой книги сплетается с другим, вызванным обостренным чувством неизбежности жизни, ее красоты. Красоты летнего утра с его торжественной тишиной, бездонной синевы неба ранней осени, причудливого танца журавлей. Сегодня поэт особенно ценит мгновения, когда

...времени наполненный поток,
Как легкий свет, проходит через тело.
И каждый вздох, как радости глоток.
Все впереди!
И жизни нет предела!

Красноречив заголовок книги: «Дерево для аиста». В ней есть и одноименный раздел, и одноименное стихотворение о посаженном маленьком деревце «у речки на покато́м берегу»: «Пускай оно защитит от грома, и молнии, и гибели самой когда-нибудь пригласится для дома двум аистам, вернувшимся домой». Образ дерева, роста растения как символа упрямо продолжающейся жизни откликнется в стихах о сосне детства, о «древе жизни», о зеленом ростке, пробивающемся сквозь «седую поляну», в призыве оставить «живую ветку соловью», определив общий оптимистический настрой книги — исповеди нашего современника, много и глубоко размышляющего о жизни и делящегося этими раздумьями с читателем.

В. ЛАВРОВ,
кандидат филологических наук

¹ Михаил Дудин. Дерево для аиста. М., «Молодая гвардия», 1980.